

СТАТЬИ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ

В. И. Шунков

Рассматривая вопрос об изучении истории Сибири, следует определить самый термин «Сибирь». В разные эпохи он имел различное содержание. Источники XVI—XVII вв. называли этим термином центр Сибирского ханства город Искер-Кашлык-Сибир. Он же применялся для обозначения всего Сибирского ханства и подчиненных ему территорий (страна Сибирь, Сибирский юрт). После присоединения ханства к Русскому государству и основания на месте его столицы стольного города Сибири Тобольска это название применялось ко всей территории, ему подчиненной. Несмотря на появление разрядов и других разрядных городов (Енисейск, Якутск), термин «Сибирь» стойко удерживался для обозначения всей территории к востоку от Урала. В этом понимании он вошел и в историческую литературу. Позднее, в связи с увеличением присоединенной территории и усложнением ее административного деления, появляются названия: Западная Сибирь, Восточная Сибирь и, наконец, Дальний Восток. В настоящее время распространено деление всей зауральской части страны на Сибирь и Дальний Восток. Так, БСЭ (2-е изд.), отражая эту практику, определила понятие «Сибирь» как «часть азиатской территории СССР от Урала на Западе до горных хребтов Тихоокеанского водораздела на Востоке»¹, исключив таким образом из Сибири Дальний Восток. Одновременно в исторической, экономической и политической литературе стойко удерживается понимание под термином «Сибирь» всей территории от Урала до Тихого океана. В. И. Ленин в своих работах, применяя к отдельным частям Сибири названия Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток, пользовался для обозначения всей зауральской территории, включая и Дальний Восток, названием «Сибирь»². В настоящей статье название «Сибирь» употребляется именно в этом понимании. Оно господствует в исторической и этнографической литературе. История Сибири разрабатывалась как история всей зауральской части страны. Это понимание термина присуще сибирской историографии с самого ее начала и до наших дней. Сибирская историография существует более двух с половиной веков³. За это время она накопила очень большой материал. Начало новому, марксистско-ленинскому этапу в ее развитии положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские историки добились заметных успехов в изучении Сибири. Особенно ярко они проявились после XX съезда КПСС. Решения XXI съезда партии и последующие решения Центрального Комитета, постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» вооружили историков четкой и ясной программой, знаменовали начало нового этапа и в изучении истории Сибири.

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 38, стр. 648.

² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 522; т. 9, стр. 397, 419; т. 18, стр. 81—83 и др.

³ Ее началом следует считать труды С. У. Ремезова.

К сожалению, трудов по историографии Сибири пока еще не создано. Более того, еще не произведен даже полный библиографический учет имеющихся многих тысяч книг и статей по истории края⁴. Это очень затрудняет характеристику итогов предыдущих этапов и развертывание исследовательских работ на новом этапе. Увлекательная задача дать историографию Сибири не только как картину накопления конкретных знаний, не только как аннотированный перечень наиболее значительных работ, но и как историю развития идей, как историю победы марксизма в этой историографии и выполнения ею задач марксистско-ленинского понимания развития Сибири, должна быть решена сибиреведами. Создание марксистской историографии Сибири становится одной из очередных задач.

Намечая общую оценку результатов работы сибиреведов за советский период, следует отметить коренное изменение содержания самого понятия «история Сибири».

Дореволюционные историки при изучении Сибири преимущественное внимание уделяли деятельности царизма по присоединению края и административному управлению им. Предмет исследования советских ученых — история народных масс Сибири, этапы социально-экономического развития этого района страны и великих социалистических преобразований в нем.

Изменение содержания истории Сибири привело к резкому расширению ее тематических и хронологических границ. Для дореволюционной историографии было характерно ограничение изучения этой истории рамками XVI—начала XX в., с преимущественным вниманием к XVI—XVII векам. При редких экскурсах в более ранний период исследователи ограничивались скупymi сообщениями о знакомстве русских с Сибирью до присоединения ее к России, столь же скупymi сведениями о дорусском периоде в жизни тобольских татар и некоторых других народов и описаниями археологических памятников на территории Сибири. Такое положение было «теоретически осмыслено» П. А. Словцовым, выдвинувшим в 30-е годы XIX в. тезис: «История Сибири для нас выходит из пелен самозабвения не ранее, как по падении ханской чалмы с головы кучумовой»⁵. В этих словах звучало не просто признание недоступности для того времени познания ранней истории Сибири, но утверждение неисторичности этого дорусского периода.

Несмотря на наличие отдельных попыток изучить этот период, словцовский тезис, по существу, действовал на протяжении XIX и начала XX века. Лишь работы советских историков, в частности, появление в послевоенный период обобщающих трудов С. В. Киселева, А. П. Окладникова, Л. П. Потапова и некоторых других⁶, не только дали свод ярких материалов по богатой древней истории Сибири начиная со времени, предшествующего верхнему палеолиту, но и внесли принципиально новое в понимание истории Сибири. Древнее население Сибири вышло из «пелен самозабвения».

Советские историки разбили миф, рожденный дворянско-буржуаз-

⁴ Существующие крупные библиографии (В. И. Межов. Сибирская библиография. Т. I—III. СПб. 1903; «История СССР. Указатель советской литературы. 1917—1952 гг.». Т. I. М. 1956; т. II. М. 1958; R. J. Kerner. Northeastern Asia. A selected bibliography. Vol. I—II. Berkeley. California. 1939. «Arctic bibliography Prep. for and in cooperation with the Dep. of defense under the direction of the Arctic Institute of North America. Vol. I—7. Washington. 1953—1957) по ряду причин далеко не охватывают всего материала по истории Сибири.

⁵ П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. СПб. 1886, стр. XX.

⁶ С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М.-Л. 1951; «История Якутской АССР» (А. П. Окладников). Т. I. М.-Л. 1955; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1—3. М.-Л. 1950—1955; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск. 1948; В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская и И. А. Тамецкая. Древняя история Нижнего Приобья. М. 1953.

ной историографией, о существовании «неисторических народов», к которым они относили и народы Сибири.

В настоящее время идет усиленное накопление материала по изучению древнейшего периода истории Сибири. Об этом ярко говорят материалы научной конференции 1960 г. по истории Сибири⁷. Предстоит путем широких комплексных исследований дать по возможности полную картину истории первоначального заселения Северной Азии человеком, окончательно выяснить пути его расселения, выявить локальные культуры и их связи, пополнить наши представления по древней истории Сибири, в частности, исследовать происхождение и этническую историю народностей этого обширного края. Здесь, очевидно, предстоит при решении общих вопросов заполнять имеющиеся еще белые пятна как в изучении отдельных районов Сибири, так и отдельных периодов ее истории.

При наличии некоторых обобщивших огромный конкретный материал работ по Южной Сибири и Якутии очевиден еще недостаток сведений по Западной Сибири, Дальнему Востоку и ряду районов Севера. В то же время при обилии материала и наблюдений по периоду после палеолита и примерно до XIII в. остается довольно слабо изученным период XIII—XV веков. В силу ряда трудностей, которые не смогли преодолеть ни историки, ни археологи, ни этнографы, мы не имеем достаточного фактического материала, характеризующего данный период. Между тем изучение истории Сибири за XIII—XV вв. позволило бы ученым выйти за рамки предположений при решении таких важных вопросов, как вопрос о степени и причинах упадка у ряда народов Сибири в то время, вопрос о причинах замедленности темпов развития других народов. Освещение указанного периода позволило бы также более убедительно решить вопрос о характере и значении присоединения народов Сибири к Русскому государству.

Одновременно с резким расширением хронологических рамок изучения истории Сибири за счет освещения ее древнейшего периода постепенно развертывалось исследование ее истории советского времени. В этом направлении результаты деятельности историков стали особенно ясно сказываться в послевоенный период. Ранее всего и наиболее интенсивно были подвергнуты разработке вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Отмечавшийся в 1957 г. сорокалетний юбилей Октябрьской революции стал знаменательным моментом в этой работе. Изданные к юбилею сборники документов, воспоминаний, справочных материалов и исследования явились серьезным вкладом в решение данной проблемы.

Можно выделить две линии в исследовательской работе: с одной стороны идет изучение проблемы в целом применительно к отдельным местностям, с другой — изучение отдельных, частных вопросов, которые иногда рассматриваются и в общесибирском масштабе. Для большинства имеющихся трудов характерна тематическая или территориальная ограниченность. Еще нет исследований, в которых рассматривалась бы указанная проблема в целом, в которых борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке была бы показана как единый процесс, неразрывно связанный, несмотря на местные особенности, с ходом общероссийской истории. Это обстоятельство в какой-то мере сказалось и на трудах, посвященных частным вопросам. Отсутствие ясного представления об общем процессе затруднило и выявление местных особенностей, присущих тому или иному району.

⁷ «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Тезисы докладов и сообщений». Иркутск. 1960.

Позднее началась разработка вопросов истории социалистического строительства в Сибири и на Дальнем Востоке. Характерно, что научная конференция по истории Дальнего Востока, проходившая во Владивостоке в 1956 г., в своей повестке не имела по этой проблеме ни одного исторического доклада⁸. Положение стало меняться лишь недавно. За последние годы появилось значительное количество работ (преимущественно статей в журналах и сборниках, а также диссертаций) по вопросам индустриализации, коллективизации, культурного строительства и деятельности коммунистической партии по развитию Сибири. На научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока 1960 г. в секции истории и этнографии советского периода из 31 доклада указанной тематики было посвящено 17 и из 83 сообщений — 46⁹. Все это говорит о решительном повороте в разработке сибирской истории. Естественно, исследование данной проблемы не вышло еще из стадии первоначального накопления материалов по отдельным, частным (хотя обычно очень важным) вопросам. Об этом свидетельствуют тематика докладов и сообщений на упомянутой выше конференции и тематика вышедших работ. Узость тематики исследований сочетается иногда со случайностью ее, что является закономерным результатом отсутствия направляющего и координирующего научного центра.

Все же следует с удовлетворением отметить появление и сводных, обобщающих трудов по отдельным районам Сибири. Среди них второй том «Истории Бурятской АССР», освещающий жизнь Бурятии в период построения социализма и постепенного перехода к коммунизму, очерки по истории Якутии советского периода¹⁰.

Серьезный вклад в изучение жизни отдельных народов Сибири в советский период сделан Институтом этнографии АН СССР, выпустившим капитальный труд «Народы Сибири». Широкий этнографический охват (в томе имеются статьи почти о всех народах Сибири), широта хронологических границ (материал дается, как правило, по всему советскому периоду), сосредоточение внимания на основном, принципиальном вопросе — социалистическом переустройстве хозяйства и быта — делают работу весьма важной для понимания общего хода социалистических преобразований в Сибири и на Дальнем Востоке. К сожалению, закономерный для данного тома этнографизм не дает возможности раскрыть полностью исторический процесс, а непонятное игнорирование русского народа (в книге отсутствует соответствующая статья для советского периода) не позволяет представить в целом ход развития Сибири и Дальнего Востока в период после Великой Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, указанные труды (заслуживающие положительной оценки) отнюдь не решают задачи. В них отображен опыт социалистического строительства отдельных народов. В историческом плане этот опыт освещен по Якутии, Бурятии, Хакасии, а также в отношении алтайских народов, в этнографическом аспекте — для большинства народов. К сожалению, не показан опыт русского народа, составившего уже к 1917 г. примерно 90% всего населения Сибири, и нет попытки дать общую картину. Последнее остается все еще задачей, требующей своего решения.

Вместе с тем труды по советскому периоду не только раздвинули хронологические рамки изучения истории Сибири, но и выявили новое

⁸ «Объединенная сессия Отделения исторических наук и Дальневосточного филиала Академии наук СССР. 27—29 сентября 1956 г.». См. «Сборник статей по истории Дальнего Востока». М. 1958.

⁹ «Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция истории и этнографии советского периода». Томск. 1960.

¹⁰ «Очерки по истории Якутии советского периода». Якутск. 1957; «История Бурятской АССР». Т. II. Улан-Удэ. 1959.

ее значение. Освещение в историческом плане национальной политики Советского государства и опыта социалистического строительства в Сибири с населявшими ее в прошлом отсталыми народами имеет огромное теоретическое и практическое значение. Причем значение обобщения этого опыта выходит далеко за пределы края. Изучение экономического и культурного подъема одного из основных восточных районов страны, где созданы новые промышленные центры и города, освоены огромные территории бывших целинных и залежных земель, важно не только для понимания развития самой Сибири и Дальнего Востока, но и СССР в целом. Изменения в общей структуре населения страны, в промышленности, сельском хозяйстве и ряде областей общественной жизни нельзя осветить без учета сибирского материала. В то же время теоретическое и конкретно-историческое исследование в этом направлении (особенно знание опыта преобразования жизни отдельных народов Сибири, проделавших сказочно быстрый путь от низших форм общественно-экономических отношений к социализму, от нищеты и отсталости к благосостоянию и культурному расцвету в условиях Советского государства) приобретает широкое международное значение.

Изучение древнейшей истории Сибири и ее советского периода, предпринятое после Великой Октябрьской социалистической революции, сразу же пошло иными путями, нежели изучение истории Сибири XVI—XIX вв., развивавшееся в дореволюционный период. Одной из наиболее ярких черт этого нового понимания истории Сибири было превращение истории из совокупности конкретных сведений по местной истории в науку о проявлении общих закономерностей исторического процесса в своеобразных местных условиях. Вот почему именно в работах по указанным выше периодам сразу же зазвучали общен исторические проблемы: период господства на территории Сибири и Дальнего Востока первобытнообщинного строя, время, условия и формы зарождения феодальных отношений, предпосылки победы Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири, некапиталистический путь развития отдельных народов и т. д. Понятно, что еще не на все вопросы найдены правильные и исчерпывающие ответы.

В области исследования истории Сибири XVI—XIX вв. советские историки также поставили новые проблемы, которых не знала дореволюционная историография, наметив принципиально новые решения ряда изучавшихся ранее вопросов. Среди них проблема разложения в Сибири феодальных отношений, зарождения и развития капитализма и др.

Перед советскими учеными встала задача определить основные этапы социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Вместо преимущественного изучения XVI—XVII вв. сибиреведы все больше внимания уделяют XVIII и особенно XIX и началу XX века. В этом отношении характерна работа секции дооктябрьского периода научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока 1960 г., в которой много внимания было уделено истории Сибири периода капитализма¹¹.

Следует подчеркнуть значение исследований по XVIII—XX вв. для разработки вопросов истории нашей страны в целом. Проблемы позднего русского феодализма и зарождения и развития капитализма едва ли могут быть полностью решены без учета сибирского материала.

Отмечая принципиальную важность работы сибирских историков в этом направлении, следует в то же время сказать о ее незавершенности. Насколько много еще здесь неясностей, говорит положение с пе-

¹¹ «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Тезисы докладов и сообщений». Иркутск. 1960.

риодизацией истории Сибири и отдельных ее народов. В вышедших работах по истории отдельных народов Сибири материал, как правило, распределяется согласно периодизации, принятой для общей истории СССР. Так, материал второго тома «Истории Якутской АССР», охватывающий период с 30-х годов XVII в. до 1917 г., распределен по трем разделам: 1) Якутия в составе Русского феодального государства в XVII — первой половине XVIII в.; 2) Якутия в период разложения феодализма в России (1760—1860 гг.); 3) Якутия в период капитализма в России. Подобное решение вопроса имеет свои основания. Но не означает ли это в то же время, что пока еще не осознано окончательно своеобразие развития Якутии и не определены свойственные именно ей этапы развития?

Интересная попытка построить периодизацию на основе изучения конкретного материала по истории изучаемого народа предпринята во втором издании I тома «Истории Бурятской АССР». Авторы в качестве первого раздела выделили эпоху первобытнообщинного строя, в качестве второго раздела — разложение первобытнообщинного строя и формирование патриархально-феодальных отношений на территории Бурятии, в качестве третьего — присоединение Бурятии к Русскому государству; заселение и хозяйственное освоение края; феодальные отношения в русской деревне и полуфеодальные — в бурятском улусе. К сожалению, это важное начинание не доведено до конца. Уже раздел четвертый назван «Бурятия в период разложения феодального строя и роста капиталистических отношений в России». Одной из причин подобного положения является трудность решения проблемы. Пестрота социально-экономических отношений в Сибири, различный уровень развития этих отношений у разных народов, их взаимодействие требуют накопления большого конкретного материала для каждого района в отдельности с последующим обобщением его по Сибири и Дальнему Востоку в целом. Накопление материала осуществляется, но оно еще не достигло достаточной степени. Другая причина — слабая изученность вопроса о развитии производительных сил Сибири. Внимание историков к этой проблеме явно недостаточно. Некоторые успехи сделаны в отношении изучения истории земледелия (работы В. И. Дулова, В. Н. Шерстобоева, З. Я. Бояршиновой и др.)¹².

Очень малы пока еще результаты в изучении истории развития сибирской промышленности, хотя нельзя сказать, что такая тема не затрагивалась историками Сибири. Однако обобщающих трудов нет; очень немного работ и по истории отдельных промышленных предприятий или отдельных отраслей промышленности. При всей отсталости промышленного развития Сибири до революции уже тогда ряд ее отраслей имел давнюю историю (солеваренная промышленность, горное дело, мукомольная промышленность и др.) и получил широкий размах (золотодобывающая промышленность, железнодорожное строительство и т. д.). Не приходится говорить о грандиозных масштабах промышленного строительства в Сибири в советский период, особенно в послевоенные годы. Данный вопрос требует глубокого изучения.

Почти совсем нет исследований о ремесле и промыслах, имевших важное значение для развития всех стран, особенно в домануфактурный период. Для понимания истории Сибири, где промыслы и ремесла играли громадную роль вплоть до XX в. включительно, знание истории этой отрасли хозяйства приобретает особую важность.

¹² В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. I—II. Иркутск. 1949—1957; В. И. Дулов. Очерк социально-экономической истории Тувы XIX — нач. XX в. М. 1956; З. Я. Бояршинова. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. «Материалы по истории земледелия СССР». Сборник I. М. 1952; А. А. Избеков а. Победа колхозного строя в Якутской АССР. Хабаровск. 1958.

Более широкое исследование процесса развития производительных сил Сибири позволило бы наряду с изучением социальных отношений подойти вплотную к решению вопроса об этапах социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока и было бы основной предпосылкой для создания обобщающего труда. В то же время это дало бы возможность решить ряд других коренных проблем: понимание роли народных масс, формирование рабочего класса, история революционного движения и т. д.

Важной традицией в сибирской историографии советского периода стало изучение революционного движения в России, распространения в Сибири идей марксизма-ленинизма, приобщения передовых слоев сибирского населения к революционной борьбе русского пролетариата, истории партийных организаций Сибири и Дальнего Востока.

В некоторых дореволюционных работах рассказывалось о народных движениях в Сибири, о деятельности ссыльных революционеров. Но авторы их, как правило, ограничивались сбором фактического материала, не давали теоретического освещения вопроса. Только в советский период эта проблема стала предметом научного исследования, которое особенно активизировалось в связи с прошедшими юбилеями революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции. В последние годы по указанной тематике вышел ряд сборников документов, воспоминаний, справочных материалов и монографий¹³. Среди них имеются работы, значительные по территориальному охвату, богатые конкретным материалом, содержащие ценные наблюдения и выводы¹⁴.

Вкладом в изучение проблемы явились исследования деятельности в Сибири ссыльных большевиков и истории отдельных партийных организаций Сибири и Дальнего Востока¹⁵. Следует лишь отметить, что для большинства работ по данной теме характерна территориальная и хронологическая ограниченность тематики. Процесс революционной борьбы от момента ее зарождения до победы Великой Октябрьской социалистической революции для всей территории Сибири и Дальнего Востока еще не получил всестороннего освещения.

Ведутся также исследования в области истории народных движений в более ранний период. Отдельные выступления в сибирских городах и деревнях рассматривались еще историками дореволюционного времени. В советское время появились работы (преимущественно статьи), в которых говорится о выступлениях в XVII—XIX вв. как русского, так и местного населения.

Особую ценность представляют работы, характеризующие совместные выступления русского и других народов против произвола царских чиновников. В них выясняются начальные формы совместной борьбы народов против общего врага — царизма, борьбы, которая позже под руководством русского пролетариата привела к победе Великого Октября.

В рассматриваемых работах собран фактический материал, приняты попытки выяснить социально-экономические причины выступлений, определить их классовую природу и в отдельных случаях

¹³ См. Г. Е. Рейхберг. Документальные сборники, посвященные установлению власти Советов в Сибири. «Исторический архив», 1958, № 3. Автор справедливо отмечает осуществленную сибирскими научными учреждениями большую работу по выявлению документов и материалов, освещающих подготовку и проведение под руководством коммунистической партии социалистической революции в Сибири.

¹⁴ М. К. Ветошкин. Революция 1905—1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита. 1955; В. И. Дулов. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск. 1956; В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг. Иркутск. 1955, и др.

¹⁵ П. У. Петров. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск. 1952, и др.

наметить связь этих выступлений с народными движениями в центральных районах страны. Так, в статье В. А. Александрова «Восстание в Сибири в конце XVII в.» сделана попытка вписать сибирские движения в общую картину классовой борьбы в России, хотя бы в рамках конца XVII века¹⁶.

К сожалению, изучение этой проблемы не вышло еще из стадии, которая характеризуется появлением довольно большого числа исследований на частные и узкие темы. Во многих из них отдельные явления рассматриваются изолированно, вне связи с другими событиями в Сибири и в других районах страны. Отсюда вытекали неправильная трактовка некоторых событий, переоценка их размаха, нечеткость анализа их классовой природы. Авторы не раскрывали своеобразия того или иного выступления. Примером может служить трактовка О. В. Ионовой выступления Василия Манчары¹⁷, справедливо подвергнутая критике Г. П. Башариным¹⁸. До сих пор не показан сравнительно слабый размах сибирских движений в сравнении с движениями, происходившими в европейской части страны, и не выясняются причины этого.

Таким образом, дальнейшим этапом в разработке данной проблемы, очевидно, должен явиться переход к обобщенному изучению форм классовой и революционной борьбы в Сибири, определению особенностей этих форм и их причин, выявлению периодов наибольшего подъема этих движений и установлению связей их с движениями в других районах страны. Особенно важно при этом изучить общий ход борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке, в котором при учете своеобразия ее развития в отдельных районах выявлялось бы единство процесса и его неразрывная связь с ходом установления Советской власти в стране в целом. Само собой разумеется, что одновременно надо продолжать и конкретное изучение отдельных районов, событий и т. д. Работы этого характера не только должны дать материал для обобщений, но в сочетании с выявлением действия общих закономерностей сами по себе должны иметь новое качество, все более переходя от описательно-краеведческого характера к подлинно научному исследованию.

Решение данной проблемы поможет вскрыть важные исторические традиции Сибири, в первую очередь традиции революционной борьбы. Работа историков в этом направлении дает возможность осветить правду о тех, героическим подвигам которых мы обязаны успехами наших дней.

Третьим не менее важным достижением советской сибирской историографии является интенсивная разработка на основе марксистско-ленинской методологии истории отдельных народов Сибири.

Нельзя сказать, что дореволюционная историография совсем не проявляла интереса к изучению отдельных народов Сибири. Оно было начато еще в XVIII в.; работы, посвященные этому вопросу, появлялись и в XIX и в начале XX века. Материал, накопленный тогда, до сих пор представляет значительную ценность. Для работ советских историков характерна принципиально иная постановка проблемы, а следовательно, и иные пути ее решения. В трудах наших историков каждый отдельный народ Сибири (включая самые малые и наиболее отсталые в своем развитии народности) не является объектом только этнографического изучения (что характерно, например, для буржуазной описательной этнографии), а стал предметом исторического исследования, выясняющего характер, этапы и путь его самостоятельного исторического развития. Работы С. В. Бахрушина, С. А. Токарева, Н. Н. Сте-

¹⁶ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия первой четверти XVIII в.». М. 1954, стр. 230—240.

¹⁷ О. В. Ионов. Василий Манчары. Якутск. 1946.

¹⁸ Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии. М. 1956, стр. 231.

панова, П. Т. Хаптаева, Л. П. Потапова, В. И. Дулова и других открыли новую и важную страницу в изучении истории СССР.

Многое в освещении этой проблемы было сделано научно-исследовательскими институтами, организованными в годы Советской власти в разных областях Сибири. Институт языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории не только организовали подготовку и выпуск в свет значительного количества исследований по истории народов, но и приступили к написанию (а Бурятский институт и завершил написание) полной истории народов этих районов¹⁹. Несомненно, что эта работа еще потребует продолжения. С одной стороны, еще не для всех народов Сибири написана эта история, с другой — многие частные вопросы не получили решения, часть из них не получила, по крайней мере, общепризнанного решения.

Выше уже были указаны хронологические пробелы в истории народов Сибири, отмечалась нерешенность вопросов об этапах социально-экономического развития отдельных народов, неясность в характеристиках народных движений и т. д. Следует также отметить, что даже после написания истории всех народов Сибири и Дальнего Востока задача полностью еще не будет решена. Если нельзя считать историей Сибири и Дальнего Востока общие курсы по истории Сибири, созданные дворянско-буржуазной историографией (Н. Ф. Миллер, П. А. Словцов др.), хотя бы только по одному отсутствию в них внимания к истории народов Сибири, то нельзя также считать такой историей и очерки отдельных народов без материалов по истории русского населения Сибири. Как отмечалось выше, уже к 1917 г. русское население составляло подавляющее большинство среди жителей Сибири. Роль русских в общем развитии Сибири исключительно велика. Между тем по ряду причин за последние десятилетия история этой части сибирского населения разрабатывалась слабее, нежели история нерусского населения. Подобное положение явилось отчасти результатом слабой разработанности местной истории. Другой причиной, несомненно, явилось отсутствие специального научного центра по разработке истории Сибири и Дальнего Востока. Немаловажное значение имело стремление советских историков прежде всего решить задачу написания истории отдельных народов Сибири.

Между тем без детального изучения истории русского населения не только невозможно правильно представить общий ход исторического развития Сибири, но и историю каждого отдельного народа. Разработка вопросов о взаимовлиянии русского и нерусского сибирского населения, о формах передачи трудовых навыков, об обмене достижениями культур, изменениях быта и т. д. является одной из важнейших проблем сибирской истории, так же как и вопрос о мощном влиянии экономики и культуры центра страны на Сибирь. Одновременно, конечно, должен изучаться вопрос и об обратном влиянии Сибири на центральные районы страны. Это сделает более полным и более точным решение ряда коренных вопросов истории центральных районов и страны в целом. Подобная постановка вопроса позволяет рассматривать историю Сибири не только как местную историю, но и как неотъемлемую часть общероссийской истории.

С XVIII в. одним из наиболее освещаемых вопросов истории Сибири являлся вопрос о ходе и характере включения Сибири в состав Русского государства. Несколько позднее возник связанный с этим вопрос о взаимоотношениях русского народа и народов Сибири, столь

¹⁹ «История Бурятской АССР». Т. I—II. Улан-Удэ. 1954—1959; «История Якутской АССР». Т. I (А. П. Окладников). М.—Л. 1955; т. II. М. 1957.

же прочно удерживающий внимание историков. По этим вопросам накопилась большая и разнообразная литература, в которой предлагались различные решения.

В дворянско-буржуазной историографии господствовал тезис о завоевании Сибири, выдвинутый еще Г. Ф. Миллером. В разных вариантах (из которых наиболее распространенными следует считать варианты о правительственном завоевании, о завоевании частными предпринимателями и о завоевании казачьими вольными дружинами) или в различных сочетаниях этих вариантов указанный тезис с некоторыми модификациями из дворянско-буржуазной историографии перешел в советскую историографию. В наиболее развернутой форме он был изложен С. В. Бахрушиным в его работе о колонизации Сибири²⁰ (кстати сказать, насыщенной богатым конкретным материалом). Термин «завоевание» вошел и в учебную литературу²¹. Выявление нового конкретного материала позволило советским историкам установить наряду с военными экспедициями и дислокацией в Сибири военных отрядов наличие фактов мирного продвижения и мирного освоения целых районов Сибири. Это дало им возможность выдвинуть термин «присоединение» Сибири, который имеет в виду факты и завоевания и мирного присоединения. Этот термин быстро нашел признание и вошел в общие работы по истории СССР²². И, наконец, в послевоенные годы в отношении ряда народов Сибири был поставлен вопрос об их добровольном вхождении в состав России²³. По отношению к ряду народов такой тезис также нашел признание. В 1959 г. в связи с 300-летием присоединения Бурятии к Русскому государству в обращении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР говорилось: «Добровольное вхождение Бурятии в состав Российского государства в исторически сложившихся условиях было единственно правильным путем. Навеки связав свою судьбу с Россией, бурятский народ наладил тесную связь с великим русским народом, приобщился к его высокой хозяйственной и духовной культуре, а совместная борьба русских и бурят против их общего врага — царского самодержавия привела к установлению между ними отношений братской дружбы»²⁴.

В связи с тем, что факты добровольного вхождения пока что установлены лишь по отношению к отдельным народностям, следует, очевидно, признать оправданным господство в нашей литературе термина «присоединение». Но так как этот термин включает в себя явления различного порядка (завоевание, мирное присоединение, добровольное вхождение), дело историков-сибиреведов — продолжить работу по уточнению этого понятия, раскрыв его во всей его конкретно-исторической сложности — от завоевательных действий военных экспедиций до мирного заселения необжитых районов поселенцами-земледельцами, о существовании которых царская администрация иногда неожиданно узнавала по прошествии ряда лет после их возникновения.

Еще более сложным путем развивались представления историков о характере взаимоотношений русских с народами Сибири. Ответы на вопрос: «Что принесло народам Сибири присоединение к Русскому государству?» — историки пытались давать уже в XVIII веке. Дворянская историография с присущей ей апологетикой царизма стремилась

²⁰ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири. М. 1927.

²¹ «История СССР». Т. I. М. 1947.

²² «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955; «История СССР». Т. I. М. 1954.

²³ Б. Д. Цибиков. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. Улан-Удэ. 1950.

²⁴ «Правда», 4 июля 1959 года.

приукрасить правительственную деятельность. В своей статье «Г. Ф. Миллер как историк Сибири» С. В. Бахрушин отмечал стремление Г. Ф. Миллера доказать, что народы Сибири «противились весьма редко» присоединению сибирских земель к Российской империи, а императорское правительство в деле управления присоединенной Сибирью практиковало «тихость, ласковое уговаривание, дружеское угощение и подарки», а «строгость»-де только в тех случаях, когда «ласка» не действовала. Такое мирное присоединение и «ласковое» управление, по мнению Г. Ф. Миллера, позволяло русскому правительству в Сибири «много полезного учинять» с «немалою тамошней стране пользою»²⁵. Эта мысль с различными вариантами устойчиво держалась в историографии Сибири длительное время. Ее отзвуки можно найти и в советской литературе даже послевоенного времени или в форме замалчивания вопроса о жестокостях колонизаторской политики русского царизма и ограбления сибирских народов тем же царизмом и русскими торговцами и промышленниками, или в попытках изобразить эту жестокость в смягченном виде. Исходные позиции этих советских историков были, разумеется, совсем иными, нежели позиции Г. Ф. Миллера и его дворянских и буржуазных последователей. Но, независимо от стремлений авторов, в таких работах искажалось фактическое положение вещей, звучало оправдание колонизаторской политики царизма и деятельности его агентов.

Другая линия рассмотрения данного вопроса восходит к А. Н. Радищеву. Считая нужным пересмотреть концепции идеологов феодальной колониальной экспансии, А. Н. Радищев выступил с отрицательной характеристикой действий царских чиновников и купцов. Он первым писал, что они «алчны» и корыстолюбивы, что ростовщики и священники грабят народы Сибири, отнимая у них пушнину. Эта линия нашла поддержку и развитие во взглядах и работах А. П. Шапова и С. С. Шашкова. А. П. Шапов в ряде своих статей выступил со страстным обличением правительственной политики в отношении Сибири вообще и народов Сибири в частности. При этом он различал действия царских сатрапов и действия трудового русского населения. Характеризуя отношение русского и бурятского населения, он писал: «Взаимная социальная симпатия или сожительно-бытовая общительность между русскими и бурятами постепенно все более и более расширялись»²⁶. Несколько иную позицию занимал С. С. Шашков. Используя сибирский материал для обличения современных ему социальных зол, С. С. Шашков не всегда умел рассмотреть проблему в целом. Сосредоточившись лишь на одной стороне вопроса, он часто ограничивался отрицательной оценкой деятельности русских в Сибири. Именно эту тенденцию развивал ряд представителей сибирского областничества с их противопоставлением Сибири и сибирского населения России и русскому населению центра.

В то же время голое противопоставление интересов местного коренного населения интересам русского населения в сочетании с безоговорочным осуждением самого факта присоединения Сибири к России высказывалось представителями части буржуазно-националистически настроенной местной интеллигенции.

Отзвуки подобных представлений имели место и в советское время. Советские историки дали отпор попыткам буржуазных националистов исказить историю Сибири в этом коренном вопросе прошлого Сибири. Сложнее обстояло дело с работами тех историков, которые, руководствуясь правильным стремлением разоблачить колонизатор-

²⁵ Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.-Л. 1937, стр. 42—44.

²⁶ А. П. Шапов. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск. 1937, стр. 255.

скую политику русского царизма, показать ее во всей ее отвратительной наготе, ограничивались рассмотрением только этой стороны взаимоотношений русского и нерусского сибирского населения. Такое направление было достаточно сильно представлено в 20-х и начале 30-х годов нашего столетия. До некоторой степени как противопоставление этому течению позднее, особенно в послевоенные годы, получило господство упомянутое выше некоторое замалчивание или приглаживание политики царизма.

В настоящее время исследователи истории Сибири раскрывают данную проблему во всей ее сложности, исходя из прогрессивных последствий присоединения Сибири к России. Особенно яркий материал, свидетельствующий о прогрессивных последствиях присоединения и совместной жизни народов Сибири и русского народа, дает исследователям советский период истории нашей страны. Работы по этому периоду рассказывают о том, как за годы Советской власти народы Сибири под руководством коммунистической партии, при помощи русского и других братских народов СССР осуществили глубокие социалистические преобразования. Ныне Сибирь — край передовой индустрии, крупного механизированного сельского хозяйства. Советский строй обеспечил подлинный расцвет национальных культур больших и малых народов в нашей стране, в том числе сибирских.

Сложнее раскрыть данную сторону проблемы для дореволюционного периода, когда проявление прогрессивных последствий совместной жизни народов Сибири в составе одного государства тормозилось политикой царизма, деятельностью царских сатрапов. Такая задача, конечно, не может быть решена путем замалчивания или смягчения трактовки политики царизма. Ее можно разрешить лишь путем исследования деятельности народных масс — подлинных творцов истории. В этом направлении многое уже дали работы по изучению развития производительных сил Сибири, в частности по изучению передачи русским населением веками накопленных им более совершенных трудовых навыков населению края, передачи русским рабочим классом его революционного опыта народам Сибири, а также исследования, посвященные вопросу о влиянии великой русской культуры на развитие культуры в Сибири. Но немало еще предстоит сделать.

Трудно переоценить значение данного направления в научной деятельности специалистов, изучающих историю Сибири. Оно состоит не только в раскрытии методами исторического исследования одного из важнейших факторов исторического развития Сибири, но и способствует осознанию значения великой дружбы народов СССР, расцветшей в условиях социалистического общества. Следует также учесть, что, пожалуй, ни по одному другому вопросу истории Сибири зарубежная буржуазная историография не содержит столько ошибочных и искажающих действительность высказываний.

Исследователи истории Сибири, как правило, проходят мимо работ, появляющихся за рубежом. В лучшем случае ими используется лишь фактический материал. Между тем интерес к Сибири и ее истории, возникший в зарубежной историографии очень давно, достаточно значителен. Работы по истории Сибири за последние годы появились как в странах социалистического лагеря (Венгрия, Болгария, ГДР и др.), так и в странах капитализма (США, Франция, Англия, Италия, ФРГ, Финляндия и др.). В них сделаны попытки рассмотреть ряд вопросов истории Сибири с древнейших времен до 20-х годов нашего столетия. Причем особый интерес (в частности, в американской историографии) проявляется к истории гражданской войны в Сибири. Предпринимаются и попытки общего рассмотрения истории Сибири. Примером таковых

является небольшая книжечка Hambis'a²⁷. Наряду с исследованиями, которые отражают стремление их авторов добросовестно проанализировать конкретный материал, обычно почерпнутый из наших изданий, мы встречаем и «труды», явно искажающие историческую правду. Научно разобраться в тех и других, дать им правильную, марксистскую оценку — такова задача, стоящая перед советскими историками Сибири. С ней тесно связана и другая столь же неотложная задача. Учитывая интерес к истории Сибири, проявляемый за рубежом, следует создать книгу по истории Сибири для зарубежного читателя.

Помимо названных направлений разработки истории Сибири, несомненно, можно было бы отметить немалое количество других проблем, по которым советские историки имеют серьезные достижения. Здесь прежде всего можно назвать работы о географических открытиях русских за Уралом. По этому вопросу выпущен ряд ценных сборников материалов и исследований²⁸. Имеются успехи в изучении вопроса о заселении Сибири²⁹ и в ряде других вопросов.

Еще ждут изучения и разрешения проблемы транспорта, культуры в Сибири и т. д. Среди последних особое место занимает вопрос о связи Сибири и Дальнего Востока с сопредельными странами. Эти связи имели огромное значение и в древнейшей истории Сибири, особенно для народов южной ее части. Они оказывали влияние на развитие средневековой Сибири, но сохранили свое значение и в новое и новейшее время. Одним из моментов изучения этих связей для последних периодов должно было бы явиться исследование роли Сибири и Дальнего Востока во внешней политике России. В общей статье едва ли можно наметить все вопросы, которые надо осветить. Они будут, естественно, возникать при разработке общих отмеченных выше направлений.

В заключение необходимо, как нам кажется, остановиться на вопросах, связанных с обеспечением дальнейшей разработки истории Сибири и Дальнего Востока. Прежде всего надо говорить об источниковедческой базе. В распоряжении исследователя истории Сибири имеется огромный архивный материал. Большинство материалов по истории Сибири XVII—XVIII вв. сконцентрировано в центральных архивах Москвы и Ленинграда, сосредоточивших не только документацию центральных органов управления Сибирью, но и местных организаций. Практика передачи документов местным сибирским административных учреждений в центральные архивы ведет свое начало с 60-х годов XIX в., когда фонды упраздненных судебной реформой 20 ноября 1864 г. учреждений начали свозиться в Москву, где они длительное время оставались (а отчасти остаются и до сих пор) необработанными. Подобную практику в отношении собирания документов XVII и XVIII вв. продолжают ныне некоторые работники Главного архивного управления СССР, исходя, очевидно, из стремления обеспечить лучшую сохранность и обработку древних документов, а также из не совсем верного понимания знаменитого ленинского декрета по архивному делу.

²⁷ L. Hambis. *La Sibérie (Que sais je?)*. Presses universitaires de France. Paris. 1957. Книжка Hambis'a может служить примером упрощенного и неверного представления о процессе присоединения Сибири к России, сведенного лишь к завоеванию и подавлению. Та же идея нашла место и в общей историографической работе А. Масур'а (A. Masour. *Modern Russian Historiography*. Princeton. 1958).

²⁸ «Экспедиция Беринга». Сборник документов. М. 1941; «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.». Сборник материалов. М. 1948; «Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии». Сборник документов. М. 1951; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII в. М. 1950; «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». Сборник документов. Л.-М. 1952.

²⁹ В. В. Покшишевский. Заселение Сибири. Иркутск 1951.

Такая практика в современных условиях лишена оснований. При несомненном коренном улучшении постановки архивного дела на местах сохранность и обработка документации XVII—XVIII вв. может быть обеспечена областными и республиканскими архивами, которые хранят документацию XIX в. и драгоценные документы по истории Великой Октябрьской социалистической революции, установлению Советской власти и социалистическому строительству в Сибири и на Дальнем Востоке. Между тем выросшие новые научные кадры Сибири, где после революции созданы исследовательские институты, исторические факультеты и кафедры в университетах и педагогических институтах, ведут активную работу по истории Сибири, не имея документации по XVII и XVIII векам. Не ставя вопроса об обратном перемещении фондов, следует высказаться за сохранение в областных и республиканских архивах имеющихся там документов. Необходимо лишь сделать их доступными для всех исследователей путем составления и издания описей, а также создания полных картотек в центре. Не будет ли создание и постепенное издание сводной картотеки на архивные фонды Советского Союза наилучшим осуществлением ленинской идеи о централизации архивного фонда? При всех своих недостатках работа Н. Н. Оглоблина³⁰ составила этап в разработке истории Сибири XVII в. и до сих пор остается ценнейшим пособием для исследователя этого периода. Советские историки вправе ждать от архивистов дальнейшего раскрытия содержания фондов по истории Сибири.

Нельзя не отметить также слабости источниковедческой работы в области истории Сибири. Некоторые труды по истории сибирского летописания (С. В. Бахрушин, А. М. Ставрович), незавершенное общее исследование А. И. Андреева и книга М. П. Алексеева исчерпывают в основном список крупных источниковедческих исследований³¹. Их главное направление — изучение источников по истории Сибири раннего периода (преимущественно XVII в.). Для позднейших периодов можно отметить лишь некоторые отдельные попытки начать эту работу. А между тем, несмотря на исключительные по величине и интересу фонды XVII в., основная масса источников лежит за пределами этого века. Выявление их разнообразия, характеристика хотя бы основных фондов, выяснение достоверности показаний разного типа источников становится настоятельной необходимостью для историка Сибири. Не может не беспокоить то обстоятельство, что в опубликованном Сибирским отделением АН СССР большом списке планируемых на предстоящее семилетие исследований по истории Сибири нет ни одного на источниковедческие темы³².

Обширность уже осуществленной работы, накопление большого количества конкретных сведений, постановка и решение крупных общих вопросов методологического и конкретно-исторического порядка, стремление выявить белые пятна и наметить планы дальнейшей научной деятельности, наличие кадров историков-исследователей характеризуют современное состояние науки об истории Сибири и Дальнего Востока. Это дает основание приступить к созданию многотомной истории Сибири и Дальнего Востока. На прошедшей в марте 1960 г. научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока необходимость написания такого труда неоднократно отмечалась на пленарном заседании (10 и 11 марта в Новосибирске) и на заседаниях секций (в Томске и в Иркутске).

³⁰ Н. Н. Оглоблин. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа. Т. I—IV. М. 1895—1902.

³¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII в. Л. 1940; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск. 1941.

³² «Тематика научно-исследовательских работ в Сибири и на Дальнем Востоке на 1959—1965 гг.». Новосибирск. 1959.

Значение такого обобщающего труда будет состоять в раскрытии положительных сторон совместной жизни русского народа и народов Сибири в составе единого государства. В нем должно быть показано, как, несмотря на гнет царизма, вхождение в состав Русского государства ускорило темпы социально-экономического и культурного развития народов Сибири, объединило трудовые массы этих народов в их борьбе с царизмом и привело к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Заключительные главы этого труда раскроют превращение в условиях победы социализма этой ранее отсталой окраины России в современную Сибирь с ее социалистическим сельским хозяйством, передовой индустрией и высокой культурой. Освещая историю огромной части страны, этот труд в то же время будет способствовать и более полному пониманию истории страны в целом, неотъемлемой частью которой является Сибирь.

Несомненно, что подобная работа под силу организованному коллективу историков, руководимому единым научным центром. Таким центром мог бы стать научно-исследовательский институт по общественным наукам при Сибирском отделении АН СССР. Мысль о необходимости создания института была горячо и единодушно поддержана многими историками Сибири, Москвы и Ленинграда. С созданием многолетнего труда советская сибирская историография выйдет из этапа накопления конкретного материала и решения отдельных проблем и вступит в этап широких обобщений, раскроет действие общих исторических закономерностей в конкретных условиях Сибири и Дальнего Востока — закономерностей, в результате действия которых ранее отсталая Сибирь превратилась в один из центров советской науки.

Одновременно специалисты по истории Сибири должны принять самое активное участие в широкой пропаганде среди населения знаний о прошлом Сибири. Гигантская задача освоения природных богатств Сибири привлекает в последние годы и будет еще привлекать большой приток людей из других областей Советского Союза. Задача историков — ознакомить их с историей Сибирского края, привить им чувство любви к нему, гордости за славное революционное прошлое Сибири. Это потребует создания научно-популярной книги или серии книжек по истории Сибири. Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» обязывает историков Сибири не только внимательно продумывать проблематику своих исследований, но и искать новые формы работы, способствующие наиболее полному выполнению стоящих задач.

